

ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ: КУЛЬТУРА РЕЧИ. СТИЛИСТИКА

В.Д. Черняк

«ЗОНЫ РИСКА» В ЛЕКСИКОНЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: К ОСНОВАНИЯМ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Очевидное для всех снижение уровня речевой культуры с неизбежностью вызывает разного рода коммуникативные неудачи, под которыми понимается неосуществление или неполное осуществление коммуникативных намерений говорящего (полное или частичное непонимание), нежелательный эмоциональный эффект [1, с. 31].

Проблема соотношения узуса и нормы является одной из наиболее актуальных в процессе исследования современной языковой ситуации. Динамика нормы – причина культурно-речевых конфликтов в обществе: речевые новации могут приниматься одними носителями языка и вызывать яростное сопротивление у других. Важным при этом представляется следующее замечание В.Н. Телии: «Нарушение узуса вызывает «протесты» типа «так не говорят», а нарушение нормы – «неправильно, так нельзя сказать». Таким образом, речевая деятельность имеет как бы два фильтра: узус просеивает сквозь свое сито еще не существующие, но возможные знаки, вводя их в данность языка (langue), а нормативный фильтр корректирует речь, освобождая речевую деятельность (language) и язык (langue) от «порчи» [2, с. 39]. Так называемые «диагностические ошибки» фиксируют напряженные места в существующей кодификации литературного языка, сигнализируют о происходящих изменениях в норме (ср.: *более серьезнее, очень огромнейший, видели о том, подтвердили о том, обеих собеседников*) [3, с. 126].

Особое преломление проблема соотношения узуса и нормы получает при обращении к лексике вследствие непрерывно происходящих динамических процессов в лексической системе. Коммуникативные неудачи, вызванные неуместным, некорректным или неэффективным использованием языковых единиц разных уровней, на лексическом уровне проявляются как в форме традиционно выделяемых лексических ошибок, так и в виде коммуникативных сбоев, причиной которых являются

параметры слова как единицы лексической системы (синтагматические, парадигматические, ассоциативно-деривационные), не учтенные говорящим и пишущим, место слова в индивидуальном лексиконе личности.

В современной речи можно наблюдать и явные лексические ошибки, и неудачный лексический или стилистический выбор, вызывающий у адресата чувство коммуникативного дискомфорта, и более или менее успешные по своим коммуникативным последствиям языковые игры.

Современные исследования речевой способности, ассоциативно-вербального уровня языковой личности в сочетании с лексико-системными исследованиями дают основания для лексической интерпретации весьма пестрого «отрицательного» материала, извлеченного из разнообразных речевых произведений наших современников.

Как пример карнавальной раскрепощенности современной публичной речи приведем фрагмент интервью, взятого одним из ведущих журналистов «Огонька» у профессора В. Глазычева. Интервью посвящено проблемам культуры, в частности книжному буму в России:

– Я вот тоже удивляюсь: что значит «перестали читать» при таком книжном буме? Ежегодно в России сотни тысяч тонн бумаги поглощает рынок книг.

– Нет, и вправду существуют люди, которые перестали читать. Это те, кто читал только потому, что нечем было заняться, – теперь они, слава богу, заняты делом. Так что некоторые потери читательской массы есть вполне благотворный признак <...>. А по поводу общей ситуации с чтением <...>. Когда в библиотеке какого-нибудь захолустного райцентра вдруг сталкиваешься с тем, что у них очередь на книгу Хайдеггера, сразу мозги прочищаются.

– Блин, я даже не слышал про такого чувака <...>.

– Это один из самых любопытных философов XX века <...>. (Огонек. 2002. № 42).

Анализ разнообразного речевого материала, попытка классифицировать коммуникативные неудачи, возникающие как в устной речи, так и в письменных речевых произведениях (газетные и журнальные публикации, реклама, переводы массовой литературы, письменные работы школьников и студентов), позволяют предположить, что в лексиконе человека имеются «зоны» свободного выбора и «зоны» риска. Если, оперируя лексическими средствами зон свободного выбора, говорящий может выразить свои речевые предпочтения, воплотить в речи параметры своей личности (возраст, пол, профессия, социальный статус и т.п.), то использование лексических средств из «зон риска» предполагает языковую и общекультурную компетентность говорящего, его умение включать механизмы речевого контроля.

Чрезвычайно ценный материал для изучения лексикона современной языковой личности дает «Русский ассоциативный словарь» [4], отразивший результаты широкого ассоциативного эксперимента.

Обратившись к ассоциативным полям слов-стимулов, можно в зародыше увидеть будущие речевые ошибки, как правило, достаточно характерные для современной языковой личности. Наряду с незнанием точных форм словоизменения, неправильным словообразованием, в реакциях (главным образом синтагматического типа) зафиксированы нарушения лексической сочетаемости: преследовать – свои планы, застенчивый – поступок, становиться – в амбицию, повод – предоставился, предоставлять – себе что-л., труд – благотворительный, принимать – купаться в ванной, земля – заляпана дождем, долг – заплачен, сжатый – шелк, поднять – тост. Во многих случаях отраженное в реакциях нарушение лексической сочетаемости связано с неправильным выбором из группы паронимов. Потенциальная ошибка паронимического типа кроется в реакциях снять – одеть, будничные – воскресные.

Те участки лексикона, где представлены паронимы и паронимазы, являются зоной риска для говорящего и пишущего и требуют особого контроля. Приведем несколько типичных ошибок из средств массовой информации:

ИМПЭКС–банк – доходчивый банк (Реклама).

В нашей студии все сделано для того, чтобы вы могли чувствовать себя комфортабельно [СТС, 23.02.2003].

Сэм Ритч оставил своему сыну огромное наследие в пять миллиардов долларов [ТВ. «Невский канал», 17.06.2002].

Петербургжцы – очень чувственные, отзывчивые и доброжелательные люди [РТР, Новости, 14.02.2002].

Купили кухонный комбайнер, который через неделю сломался, и теперь не знаю, как его починить [НТВ, «Впрок», апрель 2002].

Причастие – одна из семи основных христианских тайн [ТРК «Петербург», 27.04.2003].

Приятно сознавать, что есть еще рискованные люди на свете [НТВ, телеигра «О, счастливычик!», 13.10.2000, 21.40].

Арендатору выдается под *ростись* инструкция, в которой оговорены основные правила проекта и его действия при наступлении страхового случая [Газета «Метр», 03.03.2003].

Если при непосредственном контакте в процессе общения коммуникативная неудача быстро устраняется, то в спонтанной речи теле- и радиожурналистов неудачный выбор из «паронимической зоны риска», воспринятый миллионной аудиторией, может расцениваться как выразительный показатель небрежности речевого облика говорящего. Неудачный выбор слова в письменном тексте создает коммуникативные помехи, требующие дополнительных усилий адресата при восприятии.

Нередко отсутствие необходимого контроля в процессе лексического выбора и словопроизводства, недостаточная языковая компетентность говорящего ведут к возникновению нежелательной омонимии как в устной, так и в письменной речи и связанным с ней коммуникативным помехам. Особое место среди «участков повышенной опасности» занимают отглагольные существительные:

Бог доступен любому человеку при соответствующей подготовке, исключая, конечно, *алкоголизацию и объединение* [ТВ. Спортивное обозрение. 5.05.96].

Несмотря на то, что вина военкоматчицы в получении с «клиента» 2,5 тысячи долларов взамен на гарантированный «отмаз» от армии была полностью доказана, судьи отнеслись к даме весьма снисходительно, назначив ей условное наказание [«Московский комсомолец». 1999. № 208].

Я поздравляю с Новым годом человека, *пришествия* которого в наш эфир мы ждали с утра [Радио «Эхо Москвы». 1.01.03].

Эта дверь обладает потрясающе красивым *окрасом* [Радио «Эхо Москвы». 3.01.05].

Исследование лексических характеристик, в значительной степени определяющих речевой портрет нашего современника, заставляет обратиться к проблеме выбора из лексических парадигм разного типа – одной из центральных проблем грамматики говорящего. Нередко процесс лексического выбора эксплицируется в тексте. Так, экспликация с помощью синонимов языковой рефлексии в процессе

общения отражена, например, в интервью Б. Стругацкого газете «Невское время» (18.02.1995):

– Вас не коробит сама постановка вопроса: *умолять* власть о чем-то? Даровать ли свободу или нет, бомбить территорию собственной страны или смилостивиться...

– Слова «умоляем» в наших телеграммах не было, было слово «требуем», но, по сути, мы именно *умоляли* – *просили, заклинали*, взывали к разуму и гуманности. Так уж у нас повелось: когда интеллигент *обращается* к власти, любое *требование* его есть не более чем покорнейшая *просьба*.

В спонтанной речи говорящий в соответствии со своими коммуникативными намерениями пытается расширить арсенал имеющихся в его распоряжении лексических средств за счет включения в парадигму заимствований, жаргонизмов, за счет окказионального словообразования. Ср., например:

Рынок сотовой связи был не просто разогрет – он был доведен до кипящего состояния. Сотовая связь, еще недавно усаждавшая не слишком широкий круг праздных толстосумов и *трудооголических топ-менеджеров*, оказалось, вполне «*тянет*» и на студенческих, и на *работных*, и даже на пенсионерских доходах (Журнал «Город». 13.01.2003).

«Блуждание вокруг денотата» (так обозначила лексические поиски говорящего или пишущего М.В. Ляпон [5]), достаточно ярко характеризующее социальные и профессиональные черты говорящего, представлено в высказывании директора фирмы, торгующей подержанными автомобилями:

Мы очень не любим говорить про такие автомобили «*second hand*» или, еще хуже, «*бэушный*». Говоря так, сразу возникает образ некоего транспортного средства, отслужившего несколько своих гарантийных сроков, накатавшего за сотню тысяч километров, с грязным замасленным двигателем, выступившей кое-где на кузове ржавчиной. Для внутреннего пользования мы ввели термин «*юзанный*» автомобиль – от английского *used car* – переводится примерно как «*пользованный* автомобиль». Вроде бы то же самое значение, но... (Журнал «Автопилот». 1995, август).

Коммуникативно значимой может оказаться актуализация различий между ближайшими членами парадигмы. Так, в приводимом ниже фрагменте публицистического текста столкновение слов *соглашение* и *сговор* («соглашение в результате переговоров (обычно неодобр.)») демонстрирует не только разные точки зрения на один и тот же исто-

рический факт, но и в лаконичной цитации воскрешает идеологический штамп советской публицистики:

С его [Картера. – В. Ч.] именем были связаны события огромной значимости – первым в их ряду стоит подписание в загородной резиденции президента в Кемп-Дэвиде мирного *соглашения* между Израилем и Египтом. Этот «*сговор*», как его тогда называли в советской прессе, позволил перейти <...> к нормальному в конечном итоге диалогу и взаимному признанию («Огонек». 1995. № 11).

Поиск адекватного замыслу лексического средства в узком круге семантически сходных лексических единиц чреват неточностями, сбоями, связанными с переносом лексической единицы в чужеродную стилистическую среду, а также весьма характерной для современной речи избыточностью, претенциозным акцентированием квазиразличий у очень близких по значению слов:

Не кажется ли вам, что переговоры в Грозном все больше приобретают не просто *предательский*, а *изменический* характер? [Телерепортаж с заседания Государственной думы].

Территориальные образования в недавнем прошлом не просто *игнорировались*, а вообще не *принимались во внимание*. [Вестник «Единой России». 2003. №16].

Противопоставление совпадающих по значению слов и словосочетаний лишено в приведенных примерах семантического основания.

Выбор из более широких парадигм (синонимических, гипонимических, лексико-семантических групп и полей), с одной стороны, дает большую свободу говорящему, а с другой – может сопровождаться разнообразными коммуникативными сбоями. Косвенным показателем недостаточной свободы в использовании ресурсов лексических парадигм является чрезвычайно распространившееся сегодня в спонтанной речи использование выражения «и так далее, и тому подобное», следующее после одного или (в лучшем случае) двух членов потенциального однородного ряда.

Оценивая современное состояние речевой культуры, уместно вспомнить, что операции по выбору наименования связаны с особенностями речемыслительных механизмов левого и правого полушарий головного мозга. Для правого полушария характерны выбор наименования из ядра ассоциативного поля на основе грубых дифференциальных признаков, тенденция к выбору гиперонимического наименования. Левое полушарие отвечает за точность наименований. Овладение тонкими механизмами левого полушария «связано с длительным

обучением, повышением уровня интеллектуальной деятельности, культурой речи, редактированием и т.д. Но все это наслаивается на «грубые» базисные механизмы правого полушария» [6, с. 18–19].

Особенно часто коммуникативные неудачи связаны с незнанием или приблизительным знанием лексического значения слова. В «Русском ассоциативном словаре» потенциальные коммуникативные неудачи отражены в таких, например, реакциях: бостон – в холодильнике, воскресенье – выходной, гопад – что это?, долгунец – жук, бомж, холодец, не знаю, не в тему, непонятно, черт те что, что-то в старые времена; кирзовый – не понял; манускрипт – не знаю, а что это? овощ, скрипит, скрипция; матрица – душлаг, это из геометрии, трава; моцион – еда, абрикос, лацкан, проводить, ругательство, твердый; сопромат – что-то научное; саксаул – колючий, колючка, репейник, колется, саксаул (песня), трава, удалой, это что-то из казахского. Неизвестные или недостаточно понятные, нечетко осознаваемые носителями языка лексические единицы (а их в лексиконе современной языковой личности очень много) получили в исследованиях В.В. Морковкина и А.В. Морковкиной наименование агнонимов [7]. Занимаемые ими области ассоциативно-вербальной сети, безусловно, являются зоной особого риска для говорящего. Если ядерная часть словарного состава находится в оперативной памяти большинства носителей языка, то значительная часть периферийной лексики или вообще «не присваивается», или, находясь в хранилищах долговременной памяти, мало и с трудом эксплуатируется. О.Б. Сиротинина подчеркивает, что причиной коммуникативных неудач могут быть различия в типе речевой культуры общающихся, поскольку именно общности кода и апперцепционной базы, характерные для людей одного типа речевой культуры, обеспечивают релевантность понимания [8, с. 280].

Несовпадение фрагментов тезауруса у отправителя и получателя создает неизбежные коммуникативные помехи (например, неточная семантизация тех или иных понятий политики и экономики провоцирует множественность толкований актуальных текстов). Обследование словарного запаса студентов I–II курсов свидетельствует о том, что многим из них неизвестны значения многих слов, встречающихся в разных типах текстов. Так, студентами были даны следующие толкования иноязычных слов:

Регламент – обсуждение кого-, чего-либо.

Рецидив – что-л. противозаконное.

Диспозиция – отсутствие позиции.

Кворум – общественное мнение. Ограничение на что-либо. Совещание.

Паритет – противоположное авторитету. Мир, сотрудничество.

Истеблишмент – подражание.

Пролонгировать – последний.

Метаморфоза – курьезная ситуация.

Очевидно, что в такой семантизации лексических единиц отчетливо прогнозируются будущие помехи при восприятии речи и неудачи при ее рождении. Современная речь, как устная, так и письменная, пестрит примерами неправильного словоупотребления, связанного с недостаточным знанием лексических значений:

Кандидат в губернаторы призвал приморских гра'фити к политкорректности (НТВ. 21.03.2001).

Вас ждут встречи с фельетонами, юморесками и смешными рассказами М. Задорнова, В. Коклюшкина, С. Альтова и других известных юмористов. Опубликованы *бенефис* московского писателя Сергея Кондратьева (одного из первых ведущих знаменитой «Смехопанорамы», а также *вернисаж* карикатур художника Александра Галаганова (Калейдоскоп. 1997. № 50).

У нас сложился свой *менталитет и мышления, и подхода...* Я скажу вам еще один момент (РТВ. «Новое пятое колесо». Директор предприятия в г. Боровичи. 27.12.97).

Игнатъев – человек, к которому не имеет никаких *амбиций* ни одна из наших фракций (ОРТ. Новости. Выступление в парламенте. 18.03.02.).

Неточное знание семантики слова нередко ведет и к ошибкам тавтологического типа:

С *собственноручным автографом* солиста Макса Кавалеры они были разыграны через Интернет [Метро, 25.12.2000].

Сегодня в Петербурге прошел *шоу-показ* новых моделей [Информ-ТВ, 19.02.2002].

Агнонимичность хронологически отмеченной лексики, архаизмов и историзмов, находящихся на периферии лексикона среднего носителя языка, также нередко приводит к коммуникативным неудачам. Приведем один показательный пример:

Оказывается, геологическая служба появилась 300 лет тому назад благодаря приказу рудокопных дел, изданному Петром I (ТВ-Петербург. 29.10.2000).

Очевидно, что говорящий словосочетание «*приказ рудокопных дел*» с представленным в нем историзмом *приказ* в значении «В русском государстве 16–17 вв.: учреждение, ведающее отдельной отраслью управления или отдельной территорией» воспринял, а затем использовал в своей речи в привычном ему современном значении.

С агнонимичностью лексико-фразеологических единиц связаны и многочисленные нарушения при использовании фразеологизмов. В.Н. Телия отмечает: «В норме использование определенного языка гармонирует с соответствующим ему кодом культуры, поэтому и «культурная глухота» чаще связана с языковой глухотой. Когда коммуниканты являются субъектами единой культуры, ее код так или иначе распознается в тексте» [9, с. 215]. Приведем показательный пример. Продавец (молодая девушка) хочет ввести в компьютер источник информации об их магазине:

- Откуда вы о нас узнали?
- По сарафанному радио.

Продавец фиксирует: источник информации – радио. Ср. также:

Из этой ситуации я делаю вывод, что кто-то подкладывает В.В. Путину медвежью услугу (РТР. 20.01.2000. С. Степашин).

Когда говорим об Олимпиаде, у меня в душе поднимается ком в горле от радости (Вести. 15.09.2000. Н. Харитонов).

В заключение отметим еще одну потенциально опасную для говорящего «зону». Как известно, многозначность и омонимия могут привести к контекстуальной или ситуативной двусмысленности. Если контаминация значений многозначного слова или двух слов-омонимов осознается говорящим, можно вести речь о языковой игре, успешность которой обеспечивается достаточно высоким уровнем языковой компетенции. Ср.:

Массы бывают разные: сырковые с изюмом, пластические, воздушные и многие-многие другие. Меж-

ду тем в особом почете выражение «народные массы»...

Словарь В. Даля так трактует слово «масса»: «вещество, тело, материя; толща, совокупность вещества в известном теле, вещественность его». Словарь русского языка более красноречив: «Тестообразное, бесформенное вещество, густая или полужидкая смесь чего-либо».

Скорее всего, именно бесформенным веществом представляли и представляют себе советские и многие российские начальники простой народ, когда возникает необходимость с ним общаться (АиФ. 1996. № 21).

Существует ли «потолок» высоты *потолка*? (Журнал «Город». 2004. № 28).

Коробка плохих *передач* (Журнал «Город». 2004. № 2 – заголовок статьи о петербургском телевидении).

В то же время нередко, особенно в спонтанной речи, встречается непланируемая контаминация значений, ведущая к более или менее заметным коммуникативным неудачам. Приведем несколько примеров:

Губернатор достаточно прочно держался за своего заместителя (РТР. СПб., 5.12.01).

Именно эти люди, их талант запустили юбилей (ТВ. СПб., 27.06.03).

Вот наша заветная коробочка с призом. Попрошу оператора наехать на коробочку (ТВ СПб. 30.08.02).

В заключение отметим, что нами были определены лишь некоторые «зоны риска» в лексиконе современной языковой личности, внимание к которым необходимо при оценке лексического параметра современной речевой культуры. Учет соотношения «зон выбора» и «зон риска», всестороннее изучение лексикона нашего современника – важное условие совершенствования культуры речи.

Литература

1. Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
2. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
3. Нецименко Г.И. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопр. языкозн. 2001. № 1.
4. Русский ассоциативный словарь. Т. 1–6 / Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов и др. М., 1994–1998.
5. Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.
6. Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург, 1994.
7. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
8. Сиротинина О.Б. О стилистических приемах современной публицистики, которые могут приводить к коммуникативной неудаче // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. М., 2001.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. М., 1998.